

RU

«Небо звездно» в поэзии Г. Р. Державина и В. А. Жуковского

Поташова К. А.

Аннотация. Цель исследования – выявление литературного генезиса, смысловой составляющей и художественного потенциала образа звездного неба в поэзии Г. Р. Державина и В. А. Жуковского. В статье на материале анализа философских и торжественных од Державина, элегического творчества Жуковского посредством выявления онтологической наполненности образа звездного неба реконструируются особенности художественно-поэтической космологии, сложившейся на рубеже XVIII-XIX веков. Научная новизна определяется комплексным характером исследования, основанным на системном и целостном описании образа космической вселенной в поэзии конца XVIII – первой трети XIX века, и состоит в раскрытии не отмеченных ранее особенностей творческого восприятия и художественного воплощения образа звездного неба в творчестве Державина и Жуковского. В результате исследования установлено, что в контексте философского постижения мироустройства поэты обращаются к образу звезды не только для обозначения светящихся небесных тел, но и в сравнении с небесными светилами говорят о бренности человеческой жизни, утверждают идею избраннического служения поэта, представляют звездное небо видимой частью мироздания и отождествляют с Царством Божьим. Выявлено, что Державина с его планетарным мышлением занимает космос как таковой, он всматривается и вслушивается в звездное небо, постигает через него симфонию космоса, оттого в своей философской поэзии он ассоциирует со звездным свечением торжества во Вселенной, тогда как таинственно-медитативные вечерние и ночные пейзажи у Жуковского непосредственно сопряжены с пониманием небесного пространства как воплощения гармонического бытия, через обращение к звезде поэт приходит к передаче томлений человеческой души.

EN

"The Starry Sky" in the poetry of G. R. Derzhavin and V. A. Zhukovsky

K. A. Potashova

Abstract. The aim of this study is to identify the literary genesis, semantic component, and artistic potential of the image of the starry sky in the poetry of G. R. Derzhavin and V. A. Zhukovsky. Based on the analysis of Derzhavin's philosophical and solemn odes, and Zhukovsky's elegiac works, this article reconstructs the features of the artistic and poetic cosmology that developed at the turn of the 18th and 19th centuries by revealing the ontological content of the image of the starry sky. The scientific novelty is determined by the comprehensive nature of the study, based on a systematic and holistic description of the image of the cosmic universe in the poetry of the late 18th – first third of the 19th century, and consists in revealing previously unnoted features of the creative perception and artistic embodiment of the image of the starry sky in the works of Derzhavin and Zhukovsky. The research establishes that, in the context of philosophical comprehension of the universe, the poets turn to the image of the star not only to denote luminous celestial bodies, but also, in comparison with celestial luminaries, speak of the transience of human life, affirm the idea of the poet's chosen service, represent the starry sky as the visible part of the universe, and identify it with the Kingdom of God. It is revealed that Derzhavin, with his planetary thinking, is occupied by the cosmos as such; he peers into and listens to the starry sky, comprehends the symphony of the cosmos through it, therefore, in his philosophical poetry, he associates stellar luminescence with celebrations in the Universe, whereas Zhukovsky's mysterious and meditative evening and night landscapes are directly related to the understanding of celestial space as the embodiment of harmonic being; through addressing the star, the poet comes to conveying the longings of the human soul.

Введение

Чувство беспредельности Вселенной объединяет поэтическое мирозерцание Г. Р. Державина и В. А. Жуковского, обратившихся в своем творчестве к проекции взгляда на небо «мысленными очами» (Державин, 1957, с. 132)

и открывших для русской поэзии символику небесной лазури, звездного и лунного сияния, солнечных искр. Изображение звездного неба в поэзии Державина и Жуковского явилось отражением их конкретно-чувственных наблюдений за космическими явлениями, открывших возможность постижения божественного мира в его полноте, сформировавших отношение к небесному пространству как к явлению духовной реальности. Раскрытие основ художественно-поэтической космологии Державина и Жуковского посредством выявления онтологической наполненности образа звездного неба актуализирует традиционную для русского социума ценностную парадигму. Изучение мировоззрения писателей конца XVIII – первой трети XIX века, осмысление взаимосвязи человека и космоса, углубление понимания современного этапа социокультурного развития цивилизации отвечают тенденциям развития гуманитарной науки в целом и представляются актуальными, поскольку обращение к вопросам национально-культурного своеобразия интерпретации мира и его отражения в литературе остается одной из неисчерпаемых областей познания.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить функциональный спектр и семантическую многоплановость образа звездного неба в творчестве Державина и Жуковского; 2) выявить общую символическую наполненность и пути трансформации значимых для русской поэзии «космических» образов – небосвода и звезды; определить соотношение национальных и универсальных элементов в них; 3) раскрыть основы художественно-поэтической космологии Державина и Жуковского.

Материалом для исследования явились произведения Державина и Жуковского:

- Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957.
- Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2.

Стихотворения 1815-1852 гг.

Образ звездного неба в поэзии рубежа XVIII-XIX веков изучается в сопоставлении с библейским текстом и святоотеческой литературой, повлиявшими не только на природу восприятия поэтами космических явлений, но и на формирование художественного образа неба и звезды:

- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические: в русском переводе с параллельными местами и приложением. М.: Свет на Востоке, 2010.
- Иоанн Златоуст, свт. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского: в 12 т. СПб.: Изд. Санкт-Петербургская духовная академия, 1899. Т. 5.

Объективный анализ выбранного материала обеспечивается обращением к дневниковым записям поэтов, трудам по эстетике и критике:

- Жуковский В. А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1985.
- Флоренский П. А. Бирюзовое окружение Софии и символика голубого и синего цвета // Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. У водоразделов мысли: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. Ч. 2.

Для выявления дальнейшего развития традиции создания поэтического образа звездного неба привлекается поэзия М. Ю. Лермонтова:

- Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. I, II.
- В качестве справочного ресурса привлекается словарь В. И. Даля:
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Цитадель, 1998. Т. I, II.

Теоретическую базу для настоящего исследования составили статьи и монографии, посвященные изучению художественной системы русского романтизма в сопоставлении с классицистической традицией. Значимыми для подобного сопоставления стали поэтические образы луны и солнца. Наблюдения над символической наполненностью небесных светил в русской романтической поэзии были намечены еще А. Н. Веселовским (1918), сопоставившим образ золотого солнца в классицистической оде и серебряной луны в романтизме. В этом же ключе высказывается и Е. Я. Данько (1940), отмечая, что у Державина образ луны возник в духовных одах и связан с богопостижением, тогда как образ солнца – это дань классицистической традиции. И. В. Логвинова (2014) связывает обращение Державина к небесным светилам с возникшими противоречиями в художественной системе поэта, обратившегося к романтическим новациям. В работах о Жуковском лунный пейзаж был наделен статусом эмблематичного, его рассматривали в сопряжении с идиллическим топосом, ситуацией трагической любви, мотивом одиночества. При этом влияние державинской традиции на космическую образность поэзии Жуковского было лишь намечено и не становилось предметом самостоятельного изучения. Методологически ценное суждение относительно общности поэзии Державина и Жуковского высказала В. Н. Аношкина-Касаткина, точно указав, что «о вечности говорят звезды и весь небесный свод, наблюдающие из века в век человеческую жизнь» (2014, с. 13-14). Сопоставление образа звездного неба в творчестве двух поэтов позволяет обнаружить, как на романтический мир Жуковского существенно повлияла космическая поэзия Державина, тогда как ранее влияние старшего современника связывалось только с «восторженным письмом пансионских стихов юного Жуковского» (Веселовский, 1918, с. 62) и «приобщением певца к высокой патриотической поэзии» (Янушкевич, 2006, с. 112). Однако уже в этапном стихотворении Жуковского «Невыразимое» отчетливо звучит державинская тональность торжественного представления «дивной природы» в «яркой красоте» и «блестящих чертах», его поэтическое стремление передать глубинные смыслы природных явлений и открыть то, что скрыто за доступностью глазу «в величественный час // вечернего земли преображенья» (2000, с. 129).

Конкретный методологический инструментарий исследования составили культурно-исторический метод, позволяющий рассмотреть образ звездного неба в контексте сложившегося круга тем и настроений рубежа

XVIII-XIX вв. с точки зрения имманентных этому временному срезу позиций, и структурно-типологический анализ, направленный на выявление общих структурных закономерностей и специфических различий в художественной разработке картин Вселенной в поэзии Державина и Жуковского, на установление ведущих механизмов поэтического воплощения в их творчестве образов небесных светил.

Практическая значимость результатов исследования связана с разработкой и внедрением в образовательную практику инновационных путей интерпретации поэтических произведений в процессе освоения дисциплин историко-литературного цикла.

Обсуждение и результаты

В поэтическом мире и Державина, и Жуковского звездное небо утвердилось как константная деталь ночного пейзажа или картины перехода от вечера к ночи: «Спустилось солнце, – вечер темный // Открыл на небе миллионы // Горящих звезд. // Огнисты, легки метеоры // Слетают блещущим клубком» (Державин, 1957, с. 294); «Ночною ж порою, // Когда темнотою // Земля покрывалась, // И в небе с луною // Одна за другою // Звезда зажигалась» (Жуковский, 2000, с. 339). В обоих контекстах природа представлена «нерукотворной красотой Божьего мира» (Поташова, 2020, с. 266), утверждение которой происходит посредством эстетизации процесса смены состояния неба, связанного как с изменением его цвета, так и наполненностью небесными светилами. В обоих контекстах акцент сделан на свечении звезд. Привычное словарное определение звезды как «одного из светящихся самоцветных небесных тел, видимых в безоблачную ночь» (Даль, 1998, т. I, с. 673), в пейзажных зарисовках Державина и Жуковского дополняется окказиональными значениями, обусловленными индивидуальными особенностями их поэтического мирозерцания. Обладая живописным видением мира, Державин ориентируется на зримо-достоверный образ звездного неба, стремится определить интенсивность звездного свечения, наделяет звезду определениями с градуирующими оттенками: «светлы звезды чрез сине небо рея», «самых светлых звезд блеск меркнет от ношей». Считая южные звезды в наибольшей степени яркими, поэт использует и собственный неологизм «бразильски звезды ясны», вероятно, полагая, что к линии экватора небесные светила лучше всего различимы, кажутся ближе и ярче.

Помимо яркости свечения, Державин пытается различать цветовые особенности звезд, хотя их спектральная классификация в науке и была разработана только в 1860-х годах, поэт будто предвосхищает ее, не только обобщенно передает цветовые различия небесных светил – «бездны разноцветных звезд», но и дифференцирует их свечение от белого к желтому, использует сравнение их с природными поделочными материалами («Из яшм прозрачных, перлов гнезд, // Художеством различным славном, // Горели ночью тучи звезд» (1957, с. 264)) или яркостью огненной стихии («огнезвездный океан» (1957, с. 140)). Свето-цветовая интенсивность различима у Державина и при передаче свечения как действия, исполняемого звездами. Небесное светило может выступать в сильной позиции, предвзялая лирическую ситуацию или находясь в центре пейзажной зарисовки, в подобных конструкциях спектр действия звезды, помимо типичных действий «гореть» («горели ночью тучи звезд» (Державин, 1957, с. 264)) или «сиять» («сиянье звезд я наблюдал» (Державин, 1957, с. 267)), дополняется возможностью открывать ночное время суток («на небе звезды возблестят» (Державин, 1957, с. 104)), освещать всю Землю («звезды освещали» (Державин, 1957, с. 135)). Поэта привлекает и едва уловимый взглядом луч света от звезды, который может пронзять море («Румяная заря глядит из темных туч; // И понт как голубый пронзает звездный луч» (Державин, 1957, с. 83)), а лучи от множества звезд по силе свечения уподобляются целой реке («пролилася звезд река» (Державин, 1957, с. 159)).

Сияние звезды у Державина определяет незыблемость мироздания. Символом идеального мира у поэта оказывается солнце, именуемое «звездным царем», дарующим свет всему сущему на земле: «На чела гор, на лоно вод, // Багряным златом покрывает // Поля, леса и неба свод» (Державин, 1957, с. 104). В этом изображении постепенного распространения утра по всему обширному пространству от земли до неба, представленного как процесс дарования света, очевидно отождествление «звездного царя» с Царем Небесным, дарующим жизнь. Утро предстает как начало божественного круга, своего рода малое Рождество, что обуславливает восхождение в памяти Вифлеемской звезды: «Кто Ты, – которого звезда // Час возвестила в мир явления, // Казала путь к кому ведя // Царям, волхвам для поклоненья» (Державин, 1957, с. 264). В этом же образном ряду представляется Державину Царство Божие, отождествленное с космической бездной, исполненной неисчислимыми звездами: «Где бездны разноцветных звезд // Чертог являли райских мест» (1957, с. 186). Отсутствие звезд на небе у поэта приобретает выраженную апокалипсическую символику. «Последний день природы» у Державина поэтически интерпретирует слова из Апокалипсиса Иоанна Богослова об огромных бедствиях. Только если в библейском тексте падает одна большая звезда («и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод» (Ап. 8:10)), то у Державина этот образ приобретает еще большее устрашение за счет использования целого ряда гипербол, передающих буквально падение всего звездного небосвода, за счет чего картина конца света «предстает особенно объемно» (Кошелев, 2016, с. 103): «Что пролилася звезд река, // На огонь пошли стеною воды, // Бугры взвились за облака» (Державин, 1957, с. 159). Эмоциональное и эстетическое восприятие картин конца света определило обращение Державина к явлению звездопада как крайней степени интенсификации состояния ужаса, сопутствующего крушению мироздания: «Что, огненный вращая зрак, // Медведица нисходит в бездны» (1957, с. 269); «Сверкнул, взревел, ударил гром; // И своды потряслися звездны» (1957, с. 312). Отсюда свечение звезды, в понимании Державина, сопутствует человечеству, начиная с Боговоплощения, и заканчивается катастрофой планетарного масштаба.

Свечение небесных тел глубоко символично и у Жуковского. Для передачи небесного света наиболее частотным оказывается образ яркой звезды: «светится издали радостно, ярко звезда упования» (Жуковский, 2000, с. 311), «и приветно загорелась // В небе яркая звезда» (Жуковский, 2000, с. 152). В обоих примерах показательно наделение свечения дополнительной эмоциональной характеристикой («радостно», «приветно»), связанной с передачей душевно-сердечной удовлетворенности от восхождения на небе звезды, выражением христианской радости от приобщения к идеальному миру. Не отказываясь от ассоциации звезд с источником света для земной поверхности и даже представляя живописный образ морской стихии через звездное свечение («Ласкаешь его облака золотые // И радостно блещешь звездами его» (Жуковский, 2000, с. 226)), поэт не стремится постигнуть цветность их свечения. Отличия в интенсивности свечения звезд угадываются только в астрономическом определении «молодая звезда» – качественном параметре, используемом для характеристики самых ярких звезд на небе и ставшем у Жуковского художественным образом. Это качество звезды поэт, владеющий астрономическим знанием, обыгрывает, любуясь звездой так, как любят женской красотой, именно красоту небесного светила акцентирует Жуковский: «Младая вечера звезда // Привычной прелестью пленяла; // Неизменяема сияла // Луна земле с небес родных» (2000, с. 198). Звезда здесь приобретает характер эмблематизма, постоянство ее свечения становится обязательным условием погружения в состояние романтического созерцания.

Взамен державинскому величию звезды у Жуковского приходит ее более личностно-окрашенный, задушевный образ, связанный с «земной тоской человека по неземной, безгрешной жизни» (Гулин, 2023, с. 9). Таковыми являются ласкательное именование небесного светила «звездочкой», сравнение с лампадой («Лишь ярко звездочка одна, // Лампадою гостеприимной // На крае неба зажжена» (Жуковский, 2000, с. 200)), отождествление влияния производимого от нее света с покоем и райской благодатью («все нежилось» (Жуковский, 2000, с. 200)). В отличие от постоянного звездного движения, поэтизированного Державиным, как, например, в стихотворении «О удовольствии», представляющего звезды подчеркнуто стремительными («Что, огненный вращая зрак, // Медведица нисходит в бездны; // Что Лев, на свод несая звездный, // От гривы сыплет вокруг лучи» (1957, с. 269)), у Жуковского звезды исполнены спокойствия и определяют космическое равновесие. Действия звезды у Жуковского не только связаны с ее основным назначением излучения света, хотя, безусловно, этих конструкций у поэта больше, – звезда «горит» («над юною главой горит звезда» (2000, с. 24); «Пророчески горит // Звезда огнем заката» (2000, с. 160)), «светит» («светит мне твоя звезда» (2000, с. 235)), «зажигается» («Одна за другою // Звезда зажигалась» (2000, с. 339)), но и дополняются ассоциативной цепочкой, связанной с метафизикой света. Замечая на небе таинственный, невещественный свет, Жуковский называет звезду источником, который сопутствует духовному пробуждению («горит звезда преображенья» (2000, с. 24)), чуду озарения, ниспешенному на поэта. Сам «гений чистый» у Жуковского определяется небесной природой, оттого космические картины в элегиях поэта прямо сопряжены с небесным покровительством его творчеству. Так, например, стихотворение «Я Музу юную, бывало...» (1824), метафорически представляющее встречу поэта с вдохновением, открывается констатацией нахождения покровительницы творчества в «подлунной стороне», что рождает последующие ассоциации неба и его светил как прямых источников побуждения к творчеству, наделение вдохновения конкретно-зримым воплощением в образе летящего светового луча («И Вдохновение летало // С небес, незванное, ко мне; // На все земное наводило // Животворящий луч оно» (Жуковский, 2000, с. 235)), понимание звезды как зримого присутствия «небесного гения» («Но ты знаком мне, чистый Гений! // И светит мне твоя звезда!» (Жуковский, 2000, с. 235)). Позже в романтической поэзии эта мысль о вселенском звучании поэтической души приобретет развитие в поэзии Лермонтова, нашедшего источником вдохновения «преображенную одухотворенную природу» (Киселева, 2011, с. 78). Лермонтову уже недостаточно констатации звездного свечения, понимая звезду райской посланницей, Лермонтов представляет ее отзывчивой слушательницей и вдохновительницей («И звезда с звездою говорит» (1954, т. II, с. 208); «И звезды слушают меня // Лучами радостно играя» (1954, т. II, с. 213); «И месяц, и звезды, и тучи толпой // Внимали той песне святой» (1954, т. I, с. 230)), постоянной, воплощающей небесную гармонию и исцеляющей душу поэта.

Разница в расстановке акцентов при передаче свечения от небесных тел Державиным и Жуковским демонстрирует различия в ментальном действии, испытываемом поэтами по отношению к звездному небу: Державин *восхищается* небесными светилами, Жуковский *любуется* ими. В обоих случаях совершается одна интеллектуальная операция, а именно богопостижение посредством обращенного к небу взгляда, однако смысловые оттенки выражения «миросозерцания в категориях и формах родного языка» (Колесов, 2015, с. 81) различаются. Державина привлекает великость звездного неба, оттого во многих ночных картинах он стремится посчитать количество звезд, но их количество настолько грандиозно, что поэту остается только указать на невозможность этого исчисления: «тучи звезд», «миллионы горящих звезд», «мириады звездны», «бездны звезд», «в дебри тьмозвездной, в райской тиши». Эта грандиозность вызывает у Державина реакцию безусловного восхищения, связанного с восприятием Божественного Откровения, о чем сам поэт не раз заключает в космических стихотворениях: «Что восхитительнее нам, // Когда не солнечно сиянье?» (1957, с. 267); «И с восхищенной душою // Вселенной полетят в концы» (1957, с. 105). «Восхищенному уму» Державина противопоставлено любование небесными светилами Жуковского, объясняемое как вдумчивое наблюдение за одним явлением: «Мне светит солнце и луна; // Любуюсь на зарю» (2000, с. 237). И в этом созерцании природы, сердечном отклике на льющийся свет у Жуковского явственно обнаруживается параллель со словами святителя Иоанна Златоуста: «Не приятнее ли всяких лугов и садов смотреть ночью на звездное небо, – как оно украшено разнообразными звездами, будто какими цветами, и как эти звезды льют на нас множество света»

(Иоанн Златоуст, свт., 1899, с. 327). С размышлениями Иоанна Златоуста, Херувимскую песнь которого Жуковский переложил в поэтическую форму, роднит понимание одухотворения, дарованного через созерцание небесных светил особенным взором, устремленным к Богу. Важно и то, что у поэта редки случаи обращения к множеству звезд, зачастую он выделяет одно небесное светило – «звезду небес», «звезду упования» или задушевную «звездочку» («ярко звездочка одна... // На крае неба зажжена, // Мелькала нам сквозь запад дымной» (Жуковский, 2000, с. 200)), – понимаемое как зримое воплощение Творца. Оттого зарисовки звездного неба заканчиваются у Жуковского ситуацией обращенного монолога лирического героя через звезду к Богу: «В тучах звездочка светилась; // Не скрывался! я взывал» (2000, с. 227) или «я с тобой, Создатель, говорю» (2000, с. 355). В ночных пейзажах Державин преодолевает земное измерение, называя себя «частицей целой... вселенной» (1957, с. 116), поэт условно помещает человека во все космическое пространство наряду со звездами, планетами и метеорами. Тогда как у Жуковского, напротив, космическое пространство сужается до лунно-звездного неба, которое включается в топос родных мест, неслучайно звезда именуется «лампадою», она освещает жизненный путь человека и определяет покой души на небе.

С художественным миром Державина связано и утверждение в русской поэзии звездного неба цвета лазури: «Ступай за ним! – небес в лазури // Еще горит его звезда» (1957, с. 258). В обыденном представлении это нетипично, «яркий светло-синий или насыщенный голубой цвет» (Даль, 1998, т. II, с. 234) ассоциируется скорее с дневным пейзажем, у Державина и следом за ним у Жуковского это цветовое обозначение характеризует небо ночное («сквозь лазурное небо // Светится издали радостно, ярко звезда упования» (Жуковский, 2000, с. 311)). Лазурное небо «имеет религиозное измерение» (Киселева, Поташова, 2020, с. 136) и представляет собой символическое пространство, оно наделено цветом, который, по мысли П. А. Флоренского, является «в языке божественном символом вечной истины» (1990, с. 557). Сквозь небесную лазурь, образно уподобленную кристаллу, у Державина появляются различные небесные светила или природные явления: «Эфира чистого лазурна даль, // Среди ланит лилейных расширялась // Заря, сквозясь в кристалл» (1957, с. 350), «По светлости лазуря, // По наклонению небес // Взошла черно-багрова буря» (1957, с. 159). У Жуковского небо оказывается в одном ряду со святостью («о небесном, о святом» (2000, с. 240)), оберегает которую лазурного цвета воздушная ткань: «...она из рая // Два покровы принесла: // Для небес лазурно-ясный, // Чистый, белый для земли» (2000, с. 240). И для Державина, и для Жуковского лазурное звездное небо – это Божественный покров, находящийся на границе дольного и горнего мира.

Только цветностью Державин не ограничивается, отличительной чертой его космических картин является наделение мироздания архитектурностью. Поэт отводит звездному небу ярус ниже Божьего престола («звезды в безднах под Тобой» (Державин, 1957, с. 115)), наделяет его купольной формой («И, летя под облаками, // Вознесли на звездный холм» (1957, с. 266)), следуя библейской традиции, использует по отношению к нему именование «твердь звездная» («досягшей тверди звездной» (1957, с. 316)). Небесные ярусы проходит и устремленная в небо душа человека после своего преображения: «От мира тленного спеша, // Летит сквозь мириады звездны // Блаженная твоя душа» (Державин, 1957, с. 253). В символических ярусах мироздания Державин отводит место и екатерининской империи, представленной в стихотворении «Изображение Фелицы» буквально графически. Поэт создает грандиозный по силе зримости метафорический образ империи как «дивного чертога», установленного на «сорок два столпа», вознесших ее до зари и звезд. Метафорический образ столбов может быть объяснен как храмовые опоры, а их точное число – сорок два – является отсылкой к базилике святого Павла за городскими стенами в Риме, заложенной еще византийским императором Константином Великим на месте захоронения апостола Павла. За буквально архитектурным представлением Российской империи скрывается глубокий по своей сути метафорический образ России, «напрямую связанный с идеей “Москва – Третий Рим”» (Киселева, Поташова, 2022, с. 92) и представляющий империю как христианский храм, что преемственно по отношению к Риму и Византии. Россия мыслится Державиным в категории «человеческого, соборного» (Есаулов, 2016, с. 60) – христианским сообществом как новым храмом, в котором присутствует Бог. В подобное изображение конкретное пространственное измерение приобретает идея монарха как помазанника Божьего, небесный покров императрицы уподоблен божественному покрову. В этой связи у Державина примечательна и произведенная замена традиционных для XVIII века живописных и плафонных изображений монарха на античном Парнасе в окружении древнегреческих божеств категориями православной традиции. Стоит заметить, что космическая образность в поэзии Державина органично вплетена в его размышления о монаршей добродетели и рефлексию военных побед второй половины XVIII века. Как Бог связал во единую «твердь звездную» космические тела, так и монарх в уподоблении «совершенству небесного Отца» (Мф. 5:48) организует благими деяниями «славу, счастье и любовь» на земле. Такое понимание монаршей власти обусловило появление у Державина представлений монарха как богочеловека, восходящее к православной гимнографии, в которой благоверный князь наделялся сравнением «яко звезда на востоце Российскаго государства просиял еси» по аналогии с загоревшейся на востоке Вифлеемской звездой, указавшей на рождение Христа. В уподоблении образу Божию Державин представляет портрет императора Павла («Воссиял в твоей короне, // Дав луне и лику звезд, // На твоём отдельном троне, // Твой лучистый, милый свет!» (1957, с. 267)) или прославляет победы Суворова («Суворов тверд, велик всегда! // Ступай за ним! – небес в лазуре // Еще горит его звезда» (1957, с. 258)). Размышляя об истинности служения, Державин обращается к звезде и в связи с несоответствием отдельных государственных лиц естеству Христа, что определяет невозможность уподобления их действий небесному свечению: «Не тех ли, что, челы к звездам // Превознесая горделивым, // Мечтают быть равны богам» (1957, с. 256). Развитие традиции использования космической образности в контексте одического воспевания монарха находим и в послании «Государыне Императрице

Марии Федоровне...» Жуковского. Одухотворенный высоким нравственным чувством, поэт в романтическом ореоле таинственной «явленности духовного мира» (Поташова, 2014) представляет императора Александра I в солнечной символике («как светлый Бог» (Жуковский, 2000, с. 162)) и вдовствующую императрицу, являющуюся, подобно ночным небесным светилам, с закатом солнца. Однако если Державин не ограничивается красотой ночного неба, конструирует метафору на основе уподобления небесной тверди твердости морального правления, «объяснительной силой» (Дэвидсон, 1990, с. 175), то Жуковский, вводя «августейшую читательницу в мир своих поэтических грез» (Аношкина-Касаткина, 2014, с. 46), ведет скорее доверительную беседу, комплементарно отмечая посредством сравнения с небесными светилами глубину сердца и красоту души вдовствующей императрицы.

У Жуковского архитектурность мироздания приобретает скорее ассоциативную наполненность, поэт представляет лазурное небо сводами, раскинувшимися над Землей: «Темнеют лазурные своды, // Прохладная стелется тень» (2000, с. 230). Жуковский, не отказываясь от прославления торжества и гармонии мироздания, выбирает основной линией своего лирического сюжета встречу человека со звездным небом, для чего максимально возможно соприкасает небо с земной поверхностью, рисует линию горизонта, по которой осуществляется суточное движение, результатом подобного преобразования картин природы становится олицетворение ночи: «И ночь молчаливая мирно // Пошла по дороге эфирной, // И Геспер летит перед ней // С прекрасной звездой своей» (2000, с. 230). В поэтическом мире Жуковского космос заменяется небосводом, поэта интересует Небо над Землей, именно поэтому в его элегиях и балладах подчеркивается некая общность в отношениях человека и космических сфер. Примечательна дневниковая запись Жуковского за февраль 1821 года, связанная с аллегоричным уподоблением жизни человека ночной тьме, звезда же в этом контексте есть радость Божественного присутствия, проводник, подобный Ангелу-Хранителю: «Жизнь наша есть ночь под звездным небом; наша душа в лучшие минуты бытия открывает сии звезды, которые не дают и не должны давать полного света, но, украшая наше небо, знакомя с ним, служат в то же время и путеводителями на земле». Множество небесных тел, источающих метафизический свет, из-за чего они оказываются видимыми, но недостижимыми физически, производят на Жуковского «удивление и изумление пред этою стихиею», рождают мысль о мироздании в контексте библейской космологии. Хотя звездное небо определяет ночной пейзаж, для Жуковского онтологически ценным оказывается пейзаж вечерний – время преобразования мира из его дневной суетности в торжество вездесущности Бога. Вечернее время – это и время наибольшего откровения, связанное с концентрацией человека на онтологических вопросах. Именно вечер рождает у Жуковского символическое отношение к звезде как проводнику судьбы, что выразилось в образе «звезды небес», сопоставимом с Ангелом-хранителем: «Кто по морю ведет звезду – нам неизвестно; // Но по морю корабль – звезда небес ведет!» (2000, с. 136); «Свети, свети, Звезда небес! К ней взоры! к ней желанья! К ней, к ней, за тайну сих завес, Земные упования!» (2000, с. 50). Доступность для человеческого глаза небесных светил – луны и звезд, – воспринимаемых как божественная материя, является у Жуковского зримым доказательством многочисленности дел Господних, и в этом поэт выступает продолжателем державинской традиции визуализации космического пространства.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. И Державин, и Жуковский эстетизируют тайну ночного неба, передают сиюминутные впечатления от процесса наступления ночи с его постепенной сменой небесных светил, появлением звезд и их свечением, противопоставленным тьме. Понимая, что человек есть органическая часть космической галактики, и Державин, и Жуковский обращаются к осмыслению возможной встречи человека со звездным небом, в сравнении с небесными светилами говорят о бренности человеческой жизни, утверждают идею избранничества служения поэта. Важной в этой связи для обоих поэтов оказывается цепочка образов «душа – звезда – рай», реализуемая в поэтических размышлениях о месте человека в мироздании и сути его жизненного движения. При этом каждый поэт привносит в эту образную цепочку свою ассоциативную наполненность. Державина с его планетарным мышлением занимает космос как таковой, он буквально всматривается и вслушивается в звездное небо, постигает через него симфонию космоса, оттого в своей философской поэзии он характеризует обилие движения, света, торжества во Вселенной. Таинственно-медитативные вечерние и ночные пейзажи у Жуковского непосредственно сопряжены с пониманием небесного пространства как воплощения гармонического бытия, через обращение к звезде поэт приходит к передаче томлений человеческой души и ее преобразования при встрече с вечностью, утверждает идею глубоко личной связи души поэта с небесными светилами. Вдохновленные библейской образностью, и Державин, и Жуковский относятся к звездному небу не только как к наполненной световыми лучами воздушной оболочке вокруг Земли, но как к космическому пространству со своим сложным устройством, ассоциируют его с видимой частью мироздания и отождествляют с Царствием Божьим. Звезды в этом контексте дарованы человеку для встречи с космосом, постижения своего места во Вселенной. Именно через призму этих метафизических представлений о небе следует рассматривать природу небесных светил в поэзии Державина и Жуковского.

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно назвать выявление и систематическое описание функционального спектра образа звездного неба в поэзии 1820-1830-х годов в сравнении с художественно-поэтической космологией Державина и Жуковского.

Источники | References

1. Аношкина-Касаткина В. Н. Русский романтизм. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. М.: Московский государственный областной университет, 2014.
2. Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг.: Научное дело, 1918.
3. Гулин А. В. Небесный ангел Михаила Лермонтова (Духовный опыт как творческая категория) // Два века русской классики. 2023. Т. 5. № 1. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35>
4. Данько Е. Я. Изобразительное искусство в поэзии Державина // XVIII век: статьи и материалы: сборник. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1940. Вып. 2.
5. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990.
6. Есаулов И. А. Ода Г. Р. Державина «Богъ»: новое понимание // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2016.3722>
7. Киселева И. А. Онтология стихии в художественном мире М. Ю. Лермонтова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2011. № 4.
8. Киселева И. А., Поташова К. А. Динамическая поэтика стихотворения М. Ю. Лермонтова «Утес» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2020.8162>
9. Киселева И. А., Поташова К. А. Истоки и образное воплощение имперского сознания М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.11242>
10. Колесов В. В. Жизнь происходит от слова. СПб.: Златоуст, 2015.
11. Кошелев В. А. Гимн «на прогнание», или «Апокалипсис преложить» (о поэтике позднего Г. Р. Державина) // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14.
12. Логвинова И. В. Г. Р. Державин и романтизм // Литературоведческий журнал. 2014. № 34.
13. Поташова К. А. Поэтическая формула «я вижу» в творчестве К. Н. Батюшкова: творческое усвоение державинской традиции // Научный диалог. 2020. № 8. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-258-271>
14. Поташова К. А. Феномен Рафаэля в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова: к проблеме родного и вселенского // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4.
15. Янушкевич А. С. В мире Жуковского. М.: Наука, 2006.

Финансирование | Funding

RU Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-78-01016 «Космические образы в русской поэзии конца XVIII – первой трети XIX века: онтология и поэтика».

EN This research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-78-01016 "Cosmic Imagery in Russian Poetry of the Late 18th – First Third of the 19th Century: Ontology and Poetics".

Информация об авторах | Author information

RU Поташова Ксения Алексеевна¹, к. филол. н., доц.
¹ Государственный университет просвещения, г. Москва

EN Ksenia Alekseevna Potashova¹, PhD
¹ State University of Education, Moscow

¹ kseniaslovo@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.02.2025; опубликовано online (published online): 31.03.2025.

Ключевые слова (keywords): эстетика небесных светил; онтология пространства; ночной пейзаж; медитативная поэзия; поэтика художественного образа; aesthetics of celestial luminaries; ontology of space; night landscape; meditative poetry; poetics of the artistic image.